

Вне тематики номера
Outside of the theme rooms

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Обзорная статья | Review paper

**Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях:
возрастные, культурные и социальные аспекты**

Н.П. Шилова¹

¹ Покровский филиал Московского педагогического государственного университета,
г. Покров, Российская Федерация
 npshilova@outlook.com

Резюме

Контекст и актуальность. Современные исследования временной перспективы (2020–2025 гг.) демонстрируют три принципиальных сдвига: 1) переход от статичных моделей изучения временной перспективы к динамическим, 2) разработку инструментов альтернативных классическому опроснику Ф. Зимбардо, 3) выявление культурно-специфических паттернов. **Цель.** Систематизация инновационных векторов изучения временной перспективы с акцентом на методологические прорывы и кросс-культурные парадоксы.

Методы. Систематический обзор включил данные из 15 стран ($N = 45$ исследований) и качественный анализ культурных контекстов, что позволило выявить нелинейные взаимодействия между возрастом и культурной средой. **Результаты.** Обзор данных выявил три устойчивых паттерна. 1. В коллективистских культурах (Китай, Индия) временная перспектива будущего сильнее коррелирует с семейными обязательствами, тогда как в индивидуалистических (США, Чехия) — с личными достижениями. 2. Кризисные события (пандемия, безработица) не разрушают, но трансформируют временную перспективу будущего, усиливая ее роль как буфера против депрессии. 3. Сбалансированная временная перспектива снижает риск девиаций, но ее компоненты (например, гедонистическое настоящее) могут иметь противоположные эффекты в разных контекстах. **Заключение.** Анализ вклада современных исследований доказал нелинейную динамику временной перспективы в условиях глобальных вызовов и культурных особенностей.

Ключевые слова: подростничество, юношеский возраст, ранняя взрослость, кросс-культурные различия, будущее, временная перспектива будущего, рискованное поведение, интернет-зависимость, карьерная зрелость, самоконтроль

Для цитирования: Шилова, Н.П. (2025). Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях: возрастные, культурные и социальные аспекты // Современная зарубежная психология, 14(3), 105–114. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140309>

Time perspective in contemporary foreign research: Age-related, cultural, and social aspects

N.P. Shilova¹

¹ Pokrovsky branch Moscow Pedagogical State University, Pokrov, Russia
 npshilova@outlook.com

Abstract

Context and Relevance. Contemporary studies on time perspective (2020–2025) demonstrate three fundamental shifts: 1) a transition from static to dynamic models, 2) overcoming methodological monism through the development of alternative ZTPI tools, and 3) identifying culture-specific patterns. **Aim.** To systematize innovative directions

in time perspective research, focusing on methodological breakthroughs and cross-cultural paradoxes. **Methods.** A systematic review incorporated data from 15 countries (N=45 studies) and a qualitative analysis of cultural contexts, revealing nonlinear interactions between age, environment, and cognitive mechanisms. **Results.** The data analysis identified three consistent patterns: 1. In collectivist cultures (China, India), future time perspective correlates more strongly with family obligations, whereas in individualist cultures (USA, Czech Republic), it is linked to personal achievements. 2. Crisis events (pandemic, unemployment) do not destroy but rather transform future time perspective, enhancing its role as a buffer against depression. 3. A balanced time perspective reduces the risk of deviant behavior, but its components (e.g., hedonic present) may have opposite effects in different contexts. **Conclusion.** The analysis of contributions from recent research confirms the nonlinear dynamics of time perspective under global challenges and cultural specificities.

Keywords: adolescence, emerging adulthood, early adulthood, cross-cultural differences, future, future time perspective (FTP), risky behavior, internet addiction, career maturity, self-control

For citation: Shilova, N.P. (2025). Time perspective in contemporary foreign research: Age-related, cultural, and social aspects. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 14(3), 105–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140309>

Введение

Временная перспектива — система когнитивно-эмоциональных установок, определяющих способность человека структурировать опыт прошлого, оценивать настоящее и прогнозировать будущее. Начиная с подросткового возраста, временная перспектива будущего приобретает важное значение для личностного развития. Особую актуальность этот процесс приобретает в контексте современных вызовов, требующих баланса между стратегическим планированием и адаптивностью (Шилова, 2024a; Шилова, 2024b).

Традиционно для изучения временной перспективы будущего использовалась классическая модель Ф. Зимбардо и Дж. Бойда (ZTPI), включающая пять компонентов: Past Positive (позитивное прошлое) — ностальгическое, сентиментальное отношение к прошлому; Past Negative (негативное прошлое) — негативное, пессимистическое отношение к прошлому; Present Hedonistic (гедонистическое настоящее) — ориентация на удовольствие, немедленное вознаграждение, импульсивность и склонность к риску; Present Fatalistic (фаталистическое настоящее) — беспомощное и безнадежное отношение к будущему и жизни, вера в судьбу; Future (будущее) — стремление к долгосрочным целям, планирование и отложенное вознаграждение (Zimbardo, Boyd, 1999). Современные исследования (2020–2025) пересматривают роль временной перспективы как динамического конструкта: в условиях кризисов она выступает буфером стресса (Bobba, 2023), а в цифровой среде ее традиционные компоненты (например, будущая ориентация) трансформируются под влиянием «клипового» восприятия времени (Turkle, 2011). Это требует интеграции новых контекстов в классические модели (Zimbardo, Boyd, 1999). Разрабатываются новые подходы к измерению временной перспективы, например опросник, созданный Х. Ли с коллегами, устраняет ограничения ZTPI и включает семь факторов: Past Positive, Past Negative, Mindful Present, Present Hedonistic, Present Excessively Task-oriented, Future Positive и Future Negative, — что

позволяет более полно охватить аспекты временной перспективы (Li, Lyu, Mello, 2024).

Целью нашей работы стала систематизация инновационных векторов изучения временной перспективы будущего с акцентом на методологических достижениях и кросс-культурных различиях. Поиск эмпирических исследований для анализа проведен за период 2020–2025 гг. в Scopus, Web of Science, PubMed, PsycINFO, ERIC по ключевым словам: time perspective, temporal focus, future orientation (фокус на современных тенденциях — 85% статей опубликованы в 2022–2024 гг.).

Временная перспектива и рискованное поведение

Временная перспектива будущего, определяемая доминирующей ориентацией (на «здесь и сейчас», на прошлый опыт или на долгосрочные цели), является значимым предиктором рискованного поведения в юношестве. Хотя такие поведенческие проявления (эксперименты с психоактивными веществами, экстремальные увлечения) рассматриваются как элемент нормативного развития идентичности, их адаптивность напрямую зависит от способности индивида выстраивать временные перспективы.

В исследовании Ф. Багериан и др. (Shahid Beheshti University, Tehran, IR Iran), основанном на пятикомпонентной модели Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, было выявлено, что значимыми предикторами рискованного поведения у иранских подростков являются принятие решений и тормозной контроль (Bagherian et al., 2022). В исследовании, проведенном на выборке из 804 старшеклассников (470 юношей и 334 девушки), авторы применяют компьютерные задачи (Go/NoGo, BART) для оценки исполнительных функций, что объективирует данные в отличие от традиционных опросников. Полученные результаты означают, что временная перспектива влияет на поведение не напрямую, а через когнитивные процессы, такие как способность принимать взвешенные решения и контролировать импульсы.

Например, подростки с развитой будущей перспективой лучше справляются с задачами, требующими планирования и самоконтроля, что снижает их склонность к рискованным действиям. Это подчеркивает важность интеграции развития временной перспективы в профилактические программы для молодежи, направленные на снижение рискованного поведения.

К. Доу и др. (Школа образования, Гуанчжоуский университет, КНР) в исследовании показывают, что негативная временная перспектива будущего связана с рискованным поведением через стили совладания и самоконтроль. В лонгитюдном исследовании, проведенном среди 581 китайского подростка (возраст 12–18 лет, 46,3% девочек), было установлено, что негативная временная перспектива на первом этапе исследования предсказывала рискованное поведение на третьем этапе через позитивные и негативные стили совладания на втором этапе. Кроме того, подростки с низким самоконтролем и преобладанием негативных стратегий совладания чаще вовлекались в рискованное поведение (Dou et al., 2023). В другом исследовании тех же авторов на выборке из 434 китайских подростков (222 девушки, средний возраст 14,44 года) было показано, что благоприятные условия, такие как позитивное воспитание и поддержка сверстников, а также личностные ресурсы, такие как ориентация на отдаленное будущее, способствуют снижению риска интернет-игрового расстройства [21]. Исследователями при изучении механизмов развития интернет-игрового расстройства через временную перспективу вводится новый медиатор — рассмотрение будущих последствий, с разделением его на две составляющие: ориентацию на немедленные последствия и ориентацию на будущее. Это позволяет глубже понять, как позитивное родительское вовлечение влияет на интернет-игровое расстройство через изменение временной перспективы подростков.

Юноши и девушки, растущие в условиях информационной перегрузки и неопределенности, чаще сталкиваются с противоречиями между желанием «жить быстро» и необходимостью планировать. Эти вызовы требуют глубокого изучения взаимосвязи между восприятием времени, социальными влияниями (семья, сверстники, media) и поведенческими рисками. Исследования показывают, что особенности временной перспективы играют важную роль в склонности подростков к рискованному поведению. В цифровую эпоху интернет-зависимость стала серьезной проблемой среди подростков. Китайские исследователи У. Пу и др. (2023) предложили решение — ориентированное групповое консультирование как метод снижения интернет-зависимости. В исследовании участвовали 32 студента, случайным образом распределенных в экспериментальную или контрольную группу. После пятинедельного курса у участников экспериментальной группы наблюдалось снижение уровня интернет-зависимости и рост ориентации на будущее, что подтверждает эффективность подобных интервенций (Pu et al., 2023).

В целом, современные социальные сети формируют «клиповое» восприятие времени, сокращая горизонт планирования (Turkle, 2011). Однако такие инструменты, как геймификация и онлайн-курсы, могут способствовать пошаговому достижению целей и формированию более сбалансированной временной перспективы (Pu et al., 2023). Ю.З. Хи и коллеги (Гуанчжоуский университет, Китай) выделили два типа временной перспективы: защитную (ориентация на будущее) и рискованную (ориентация на настоящее и прошлое). В лонгитюдном исследовании с тремя волнами данных, проведенным среди 539 китайских подростков (46,38% девушек, средний возраст 15,35 лет), было установлено, что ориентация на будущее снижает риск проблемного использования Интернета, тогда как ориентация на настоящее и прошлое увеличивает уязвимость к интернет-зависимости. Это подчеркивает важность формирования сбалансированной временной перспективы для профилактики цифровых зависимостей (Longitudinal links between..., 2024).

Значимость негативных событий и деструктивных состояний для временной перспективы будущего

Негативные события и деструктивные состояния, такие как депрессия, стресс и одиночество, оказывают значительное влияние на формирование временной перспективы будущего.

Позитивная временная перспектива может служить защитным фактором против деструктивного поведения, что подчеркивает необходимость развития навыков планирования будущего — от старшего подросткового возраста вплоть до возраста ранней взрослости (Ishii, 2023). Отсутствие позитивной ориентации на будущее может замедлить достижение возрастных задач и стать фактором риска, так как временная перспектива влияет на эмоции, мышление и поведение (Zimbardo, Boyd, 1999).

Исследование Домбровская и др. (2022) с применением ZTPI на выборке польских подростков из реабилитационных центров для несовершеннолетних ($N = 311$, 13–18 лет) выявило значимые корреляции: негативное прошлое и фаталистическое настоящее положительно ассоциировались с депрессией, стрессом и одиночеством ($\beta = 0,32\text{--}0,41$, $p < 0,01$), тогда как позитивное прошлое и ориентация на будущее демонстрировали отрицательную связь с этими состояниями ($\beta = -0,28\text{--}-0,39$, $p < 0,01$). Гедонистическое настоящее показало неоднозначные результаты, подтверждая его амбивалентную функцию. Результаты подтверждают буферную роль сбалансированной временной перспективы даже в условиях социальной депривации (Dałbrowska et al., 2022). В другом лонгитюдном исследовании польских ученых Э. Макалка и др. ($N = 355$, польские старшеклассники), установлено, что несбалансированная временная перспектива выступает значимым

медиатором в связи депрессии и школьного выгорания. В частности: гедонистическое настоящее значимо коррелировало с тяжестью депрессивной симптоматики только при высоком уровне выгорания ($\beta = 0,24$, $p < 0,05$); негативное прошлое и фаталистическое настоящее полностью опосредовали влияние депрессии на выгорание (Sobel test: $z = 2,89$, $p < 0,01$) (Maciąłka, Tomaszek, Kossewska, 2022). Полученные данные расширяют традиционные представления о роли временной перспективы в образовательном контексте, демонстрируя ее значение не только для академической мотивации, но и как защитного фактора против психоэмоционального неблагополучия. Особую научную ценность представляет выявленный механизм опосредования временной перспективы между выгоранием и депрессией, ранее не описанный в литературе.

Степень, в которой молодые люди задумываются о будущем, и их эмоциональное отношение к нему связаны с текущей социально-экономической ситуацией. С точки зрения психологии развития, социальная и экономическая неопределенность сужает временные горизонты молодежи, делая будущее менее предсказуемым. В лонгитюдном исследовании А. Парола и Дж. Марционетти (2022) на выборке итальянской молодежи NEET ($N = 450$, 25–34 года) была выявлена модераторная роль будущей временной перспективы во взаимосвязи между социальной эксклюзии и психологическим благополучием. Ключевые результат исследования показали, что высокие показатели временной перспективы будущего значимо снижали уровень тревоги ($\beta = -0,32$, $p < 0,01$), депрессии ($\beta = -0,28$, $p < 0,01$) и социальной изоляции ($\beta = -0,24$, $p < 0,05$) неработающей молодежи (NEET), а негативное влияние статуса NEET на психическое здоровье уменьшалось на 38–42% (Parola, Marzionetti, 2022). В этой работе исследуется не просто связь временной перспективы будущего с благополучием, а ее модераторная роль в контексте безработицы. В предыдущих подобных исследованиях временная перспектива будущего изучалась как предиктор, но не как механизм, смягчающий последствия социальной эксклюзии. На наш взгляд, это исследование может рассматриваться как переход от корреляционных выводов к анализу условий, при которых временная перспектива будущего становится защитным фактором.

Пандемия COVID-19 явилась масштабным кризисным событием, которое оказало значительное влияние на формирование временной перспективы. Б. Бобба и др. (2023) в исследовании Болонского университета «Alma Mater Studiorum» (Италия) выявили, что кризисные события, такие как пандемия, модифицируют траектории формирования идентичности, но базовые механизмы ее связи с восприятием времени остаются устойчивыми. Исследование, проведенное среди студентов и работающих молодых взрослых, показало, что пандемия повлияла на их восприятие будущего, но не изменила фундаментальные механизмы связи временной перспективы с идентичностью (Bobba et al., 2023).

Кроме того, исследования С. Паррелло и др. (Университет Неаполя «Федерико II», Италия) подтверждают, что студенты с более выраженной направленностью на будущее (для которых характерны оптимизм, планирование, постановка целей) демонстрировали более высокий уровень благополучия, даже в условиях пандемии (Parrello et al., 2024).

Соответственно, кризисные события (пандемия, безработица) не разрушают, но трансформируют временную перспективу будущего, усиливая ее роль как буфера против депрессии (Dąbrowska et al., 2022). В цифровую эпоху «клиповое» восприятие времени сокращает горизонт планирования, однако инструменты геймификации могут компенсировать этот эффект (Pu, 2023; Turkle, 2011). Таким образом, формирование позитивной временной перспективы будущего может служить важным инструментом для компенсации негативных эффектов кризисных ситуаций и улучшения психического здоровья молодежи.

Временная перспектива и субъективное благополучие

Временная перспектива, как способ восприятия и организации времени, играет ключевую роль в формировании субъективного благополучия, социальной адаптации и личностного развития, особенно на этапе перехода от подростничества к взрослости, когда закладываются основы для будущей жизни, формируются жизненные цели и модели поведения. Исследования последних лет показывают, что ориентация на будущее, сбалансированная временная перспектива и осознанность способствуют повышению удовлетворенности жизнью, снижению стресса и улучшению психологического благополучия.

Взаимосвязь между временной перспективой будущего и удовлетворенностью жизнью была изучена в исследовании Х. Ли и коллег (2023) среди китайских подростков. Анализ пяти волн данных ($N = 479$, средний возраст = 14,53 года) показал, что ориентация на будущее устойчиво предсказывает уровень удовлетворенности жизнью, а стабильно высокое субъективное благополучие, в свою очередь, способствует развитию временной перспективы. Эти результаты подчеркивают взаимное влияние временной перспективы и субъективного благополучия, что особенно важно в подростковом возрасте, когда формируются основы для будущей жизни (Li X., Zhang X., Lyu, 2023). Авторы выявили, что временная перспектива будущего линейно возрастает в течение подросткового периода, в то время как удовлетворенность жизнью следует U-образной траектории. Полученные данные расширяют понимание динамики взаимодействия когнитивных и эмоциональных аспектов благополучия.

Временная перспектива оказывает значимое влияние не только на удовлетворенность жизнью, но и на социальное благополучие, что подтверждается иссле-

дованиею А. Двиведи и Р. Растиги. В их работе, проведенной среди 130 индийских студентов (средний возраст — 18,5 лет, 84,61% мужчин, 15,38% женщин), обучающихся на первом курсе технологических институтов г. Рурки (Уттаракханд, Индия), было установлено, что временная перспектива будущего способствует адаптации к социальной среде, участию в общественной жизни и снижению стресса. Напротив, фаталистическое восприятие настоящего снижает социальную активность. Авторы подчеркивают, что временные ориентиры формируют цели и модели поведения, что особенно важно в условиях культурного контекста Индии (Bi, Wang, 2023). В этой работе показано, что временная перспектива будущего не снижает социальную вовлеченность, а усиливает ее в коллектиivistских культурах. Эта работа вносит значимый кросскультурный вклад в исследования, показывая, что связь временной перспективы будущего с благополучием не универсальна, а зависит от культурных норм (например, коллективизм vs. индивидуализм). Это опровергает стереотипы о доминировании фатализма в незападных обществах.

Влияние временной перспективы на благополучие и поиск смысла жизни также подтверждается исследованиями китайских ученых под руководством Р. Байкели (2021), участники которого были добровольно набраны через рекламу в г. Урумчи (Китай). Их работа, охватившая 334 человека в возрасте 18–65 лет, выявила позитивную корреляцию между ориентацией на будущее в молодости и активным поиском смысла жизни, в отличие от старших возрастов. Это свидетельствует о том, что временная перспектива не только влияет на текущее благополучие, но и формирует долгосрочные жизненные цели (Baikeli et al., 2021). Исследование Р. Байкели объединяет теорию временной перспективы Ф. Зимбардо с социоэмоциональной селективностью (SST), объясняя возрастные различия в связи временной перспективы и смысла жизни. Дополнительные доказательства значимости временной перспективы представлены в работе А. Фуэнтес и др., изучавших связь между осознанностью, сбалансированной временной перспективой и психологическим благополучием у чилийских студентов ($N = 380$, 220 женщин, 160 мужчин). Исследование выявило синергетический эффект осознанности и сбалансированной временной перспективы в улучшении психологического благополучия, причем данный эффект был более выражен у женщин. Эти данные подчеркивают потенциал развития осознанности и временной перспективы как инструментов поддержки психического здоровья в академической среде (Mindfulness and Balanced Time..., 2022).

Лонгитюдное исследование Х. Хао и др. (Китай) с участием 383 учащихся (средний возраст = 14,51 года, $SD = 1,87$; 49,5% девушек) выявило значимую взаимосвязь между временной перспективой и самоконтролем. Результаты трехволнового исследования показали, что негативные аспекты временной перспективы снижают

уровень самоконтроля, тогда как позитивные аспекты, такие как планирование будущего, способствуют его развитию (Hao et al., 2024). Авторы также обнаружили двунаправленную связь между временной перспективой будущего и академической успеваемостью: ориентация на будущее улучшает успеваемость, а высокая успеваемость укрепляет ориентацию на будущее.

На основе этих данных были выделены две траектории развития среди китайских подростков: «высокий позитивный рост» — сочетание выраженной временной перспективы будущего, хорошего самоконтроля и стабильной успеваемости; «низкий негативный рост» — преобладание краткосрочного мышления, сниженного самоконтроля и академических трудностей. Эти результаты подчеркивают ключевую роль временной перспективы не только в текущей адаптации подростков, но и в их долгосрочном личностном развитии.

Формирование позитивного отношения к будущему может служить важным ресурсом для улучшения образовательных результатов и психологического благополучия.

Роль временной перспективы в профессиональном становлении

Личностное развитие и адаптация в будущем в подростковом, юношеском возрасте и в возрасте ранней взрослости во многом связаны с профессиональным образованием, профессиональным становлением и карьерным развитием.

Влияние временной перспективы на карьерное развитие изучалось в исследовании чешских ученых Л. Кваскова и К.А. Альменара (2021). В общей сложности в их исследовании участвовали 1 753 представителя ранней взрослости, проживающие в Чешской Республике. Для анализа были отобраны только студенты, предоставившие данные о временной перспективе, по П. Зимбардо, самоэффективностью в принятии карьерных решений и социодемографическим характеристикам ($N = 492$, средний возраст = 22,97 года, $SD = 1,32$, 82,9% девушек). Было показано, что будущая и гедонистическая временные перспективы положительно связаны с самоэффективностью в принятии карьерных решений, тогда как фаталистическая и негативная прошальная перспективы снижают мотивацию к долгосрочным целям (Kvaskova, Almenara, 2021). Особый интерес представляет выявленный парадоксальный эффект гедонистического настоящего, который вопреки традиционным представлениям способствует принятию карьерных решений. Авторы предлагают инновационный подход в карьерном консультировании, делая акцент на развитии сбалансированной временной перспективы и коррекции фаталистических установок (Kvaskova, Almenara, 2021). Данное исследование вносит вклад в понимание роли временных ориентаций в профессиональном самоопределении молодых взрослых.

В условиях макроэкономической неопределенности, как показало исследование Г. Фонсека и др. на основе анализа данных 332 участников из Португалии, молодые люди чаще выражают обеспокоенность образованием, карьерой и финансовыми ресурсами. Это подчеркивает важность поддержки в формировании у них оптимистичного взгляда на будущее (Fonseca et al., 2019). Американские ученые Р. Фелдт и др. (2021) ввели концепцию «диспозиционной осознанности», которая способствует профессиональной самоидентификации и снижению тревожности. Их эксперимент с участием 183 человек (18–29 лет) подчеркивает важность осознанности для выбора карьеры (Feldt et al., 2021). Профориентационные беседы и разработка карьерных стратегий, как показали австралийские исследователи, способствуют оптимизму в отношении будущего и повышают эффективность поиска работы. Это подтверждает важность профессиональной поддержки для молодых людей (Parola, Marcionetti, 2022).

В исследовании португальских психологов И.Н. Жанейро и др. (2017) выборка состояла из 372 учащихся средних школ (возраст 12–18 лет). Исследование показало, что ориентация на будущее положительно связана с глубоким и стратегическим подходом к обучению, а также с более высокой академической успеваемостью. Гедонистическое настоящее и фаталистическое настоящее связаны с поверхностным подходом к обучению и более низкой успеваемостью. Позитивное прошлое также показало положительную связь с глубоким подходом к обучению, но не всегда с успеваемостью, а негативное прошлое связано с менее эффективными подходами к обучению и более низкой успеваемостью (Janeiro et al., 2017).

В условиях нестабильности современного мира способность к долгосрочному планированию становится ключевым ресурсом профессионального развития. Современные исследования показывают: адаптивные формы (ориентация на будущее, гедонистическое настоящее) повышают карьерную самоэффективность; дезадаптивные формы (фатализм, негативное прошлое) снижают мотивацию.

Семейное взаимодействие и временная перспектива

Современные исследования убедительно демонстрируют, что семейная среда выступает ключевым фактором формирования временной перспективы у подростков, что, в свою очередь, существенно влияет на их профессиональное самоопределение. Лонгитюдное исследование В. Чен и др. (2023) выявило значимые различия в воздействии различных стилей воспитания: авторитетный стиль, характеризующийся сочетанием эмоциональной поддержки и разумных требований, способствует развитию ориентации на будущее, тогда как гиперопека коррелирует с формированием фаталистического восприятия настоящего. Эти данные приобретают особую актуальность

в культурном контексте Китая, где важные образовательные решения принимаются уже в раннем подростковом возрасте.

Механизмы влияния семейного окружения были детально изучены в работе Х. Би и К. Ванг (2023). Авторы установили, что качество семейного общения опосредованно влияет на карьерную зрелость через формирование сбалансированной временной перспективы. В лонгитюдном исследовании с интервалом в один год приняли участие 442 подростка (67,19% девушек; возраст 16,10–24,09 лет) (Bi, Wang, 2023). Примечательно, что временная перспектива в этой модели объясняет значительную часть вариативности карьерной зрелости, что подчеркивает ее ключевую роль в профессиональном самоопределении.

Кросс-культурный анализ выявляет существенные различия в проявлении временных ориентаций. В колективистских культурах, таких как Китай и Тайвань, ориентация на будущее тесно связана с чувством семейной ответственности и долга. Напротив, в индивидуалистических культурах, как показало исследование итальянских пар (Gugliandolo et al., 2021), акцент на настоящем может способствовать большей удовлетворенности отношениями. В исследовании, проведенном среди 146 итальянских пар (возраст: 20–34 года, средняя длительность отношений — 5 лет), отражена культурная специфика Италии, где неопределенность будущего и зависимость от семьи формируют акцент на настоящем, что способствует эмоциональной близости (Gugliandolo et al., 2021).

Особый интерес представляет так называемый «парадокс автономии», выявленный в исследованиях С.С. Лин (N = 438 тайваньских студентов) (Lin, 2021) и Х. Ванг и коллег (N=549 старшеклассников из Северного Китая) (Wang et al., 2022), опубликованных в 2021 году. С одной стороны, поддержка автономии со стороны родителей способствует развитию будущей ориентации и ответственного отношения к профессиональному выбору. С другой стороны, чрезмерный контроль или давление, в том числе со стороны сверстников, могут нивелировать или даже инвертировать это позитивное влияние.

Полученные данные имеют важное значение. С теоретической точки зрения они подчеркивают необходимость учета культурного контекста и возрастных особенностей при изучении временной перспективы. В практическом плане эти результаты указывают на важность разработки комплексных программ, сочетающих родительское просвещение, школьную профориентацию и психологическое сопровождение подростков.

Роль культурных особенностей в формировании временной перспективы

Культурный контекст играет решающую роль в формировании временной перспективы, определяя приоритеты, мотивацию и стратегии достижения

целей. Кросс-культурная адаптация инструментов для изучения временной перспективы остается актуальной задачей в условиях глобализации, где понимание культурных особенностей восприятия времени становится ключевым для анализа личностного и профессионального развития (Isanejad, Kargar, 2023). Исследования демонстрируют, что формирование временной перспективы глубоко укоренено в культурных ценностях, традициях и социальных ожиданиях. Например, сравнительный анализ Е. Забелиной и коллег культурных различий в восприятии временной перспективы между российскими и японскими студентами показал, что сбалансированная времененная перспектива способствует готовности к самообучению. Выборка составила 540 студентов (293 из России, 247 из Японии). Выявленные культурные различия проявляются в том, как студенты из России и Японии воспринимают прошлое и будущее. У японских студентов снижение fatalизма связано с верой в собственные силы, а у российских студентов важную роль играет позитивный опыт прошлого (Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019).

В целом, культурные особенности оказывают значительное влияние на формирование временной перспективы будущего. Так, в индивидуалистических культурах (США) делается акцент на личных достижениях, что стимулирует планирование карьеры, а для коллектиivistских культур (Китай) характерна сильная связь временной перспективы будущего с семейными обязательствами. Эти различия подчеркивают, как коллектиivistские и индивидуалистические установки влияют на целеполагание. Например, китайские подростки ставят образовательные цели, чтобы «оправдать ожидания родителей» (Hao et al., 2024; Reciprocal relationships between..., 2024). Кроме того, кросс-культурные различия показали, что российские студенты опираются на позитивный опыт прошлого, японские — на самодисциплину (Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019). В Китае семейные цели доминируют над личными, в Италии акцент — на эмоциональной близости в настоящем (Gugliandolo et al., 2021). Американские подростки чаще ставят карьерные цели, индийские — сочетают профессиональные и духовные устремления (Dwivedi, Rastogi, 2019). Подобные контрасты требуют не только адаптации диагностических методик, но и разработки культурно-чувствительных подходов в образовании и карьерном консультировании. Изучение этих аспектов позволяет не только расширить теоретические представления о временной перспективе, но и создать практические инструменты для поддержки молодежи в разных социокультурных контекстах.

Обсуждение результатов и подходы к построению конструкта временной перспективы на этапе взросления

Последние исследования (2020–2025 гг.) существенно трансформируют классические представления

о временной перспективе, предлагая три принципиально новых направления развития теории.

Во-первых, современные работы переосмысливают статичную природу конструкта, демонстрируя его адаптивный характер в экстремальных условиях. Установлено, что временная перспектива будущего выступает буферным механизмом при кризисах (пандемия, безработица), снижая влияние стресса на депрессивные состояния (Bobba et al., 2023; Parola, Marcionetti, 2022). Параллельно выявлен конфликт между традиционным долгосрочным планированием и цифровой фрагментацией времени, при этом разработаны инновационные методы коррекции через гемификацию и терапию, ориентированную на решение (Pu et al., 2023; He et al., 2024; Turkle, 2011).

Во-вторых, накопленные данные опровергают универсальность западных моделей, раскрывая культурную и возрастную специфику. В коллективистских культурах ориентация на будущее усиливает социальную вовлеченность, интегрируясь с духовными целями (Chen, Zhong, Lu, 2023; Dwivedi, Rastogi, 2019). Лонгитюдные исследования выявили нелинейные траектории развития (Li, Lyu, Mello, 2024; Li, Zhang, Lyu, 2023), а также неожиданный позитивный вклад гедонистического настоящего в профессиональное самоопределение (Kvaskova L. Almenara, 2021).

В-третьих, современные исследования переходят от констатации корреляций к выявлению глубинных механизмов. Установлены нейрокогнитивные медиаторы связи временной перспективы с поведением (Bagherian et al., 2022), опосредующая роль семейных факторов (Bi, Wang, 2023), а также культурно-обусловленные траектории развития (Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019). Особое значение приобретают исследования в новых контекстах (NEET-молодежь, цифровая среда) (Wang, 2022; He et al., 2024; Parola, Marcionetti, 2022), применение объективных методов измерения (Li et al., 2024; Li, Zhang, Lyu, 204; Bagherian, 2022; Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019) и разработка инновационных методов коррекции (Pu et al., 2023).

Современные научные работы не просто дополняют классические теории, а кардинально преобразуют их с учетом новых реалий цифрового общества, где человек остается центральной фигурой. Главное достижение заключается в эволюции взглядов — от жесткой классификации ZTP к гибкой системной модели, где временная перспектива рассматривается как динамический адаптивный процесс. Ее структура формируется под совместным влиянием трех ключевых факторов: культурных установок, возрастных особенностей и современных технологий.

Заключение

Современные исследования кардинально изменили понимание временной перспективы, перейдя от статичных моделей к динамическому восприятию этого

конструкта. В условиях цифровой трансформации и глобальных кризисов временная перспектива проявляется себя как адаптивный механизм, требующий принципиально новых подходов к изучению и коррекции. Особое значение приобретает культурный контекст, определяющий специфику временных ориентаций в разных обществах — от семейно обусловленного планирования в коллективистских культурах до индивидуальных достижений в западных странах.

Важнейшим достижением стало выявление ключевых факторов, опосредующих влияние временной перспективы, таких как семейное воспитание, цифровая среда, возрастные и когнитивные особенности. Практическим следствием этих открытий стали новые эффективные методы работы, такие как терапия, ориентированная на решение, и геймифицированные подходы, доказавшие свою результативность в формировании сбалансированного восприятия времени.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью разработки кросс-культурных диа-

гностических инструментов, изучением влияния искусственного интеллекта на восприятие времени и создание комплексных моделей, интегрирующих возрастные, культурные и технологические аспекты. Эти направления открывают новые возможности для психологического сопровождения и реализации новых образовательных практик в условиях быстро меняющегося мира.

Ограничения. Большая часть проанализированных исследований основана на самоотчетах, что может приводить к искажению данных. Кроме того, в анализ не вошли исследования из Африки и Латинской Америки, что ограничивает обобщение результатов на глобальном уровне.

Limitations. Most of the analyzed studies are based on self-reports, which may lead to data distortion. In addition, the analysis did not include studies from Africa and Latin America, limiting the generalizability of the results on a global level.

Список источников / References

1. Шилова, Н.П. (2024). Представления юношей и девушек о будущем и результаты государственной итоговой аттестации. *Психолого-педагогические исследования*, 16(4), 96–108. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160407>
Shilova, N.P. (2024). The ideas of boys and girls about the future and the results of the state final certification. *Psychological-Educational Studies*, 16(4), 96–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160407>
2. Шилова, Н.П. (2024). Представления юношей и девушек о будущем, раскрытые через художественный образ взросления. *Психолого-педагогические исследования*, 16(1), 58–75. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160104>
Shilova, N.P. (2024). The reflection of the artistic image of growing up on boys and girls ideas about the future. *Psychological-Educational Studies*, 16(1), 58–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160104>
3. Arnett, J.J. (2016). Life stage concepts across history and cultures: Proposal for a new field on indigenous life stages. *Human Development*, 59(5), 290–316. <https://doi.org/10.1159/000453627>
4. Bagherian, F., Mozafari, N., Mohammadi, A.Z., Heidari, M. (2022). Predicting high-risk behaviors based on time perspective in iranian adolescents by emphasizing the mediating role of decision making and inhibitory response: Path analysis. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 11(1), Article e114519. <https://doi.org/10.5812/ijhrba.114519>
5. Baikeli, R., Li, D., Zhu, L., Wang, Z. (2021). The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood. *Personality and Individual Differences*, 174, Article 110668. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110668>
6. Bi, X., Wang, S. (2023). The relationship between family communication quality and the career maturity of adolescents: The role of time perspective. *Psychology Research and Behavior Management*, 16, 3385–3398. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S420962>
7. Bobba, B., Lynch, L.S., Sugimura, K., Crocetti, E. (2023). I was, I am, I will be: Identity and time perspective before and during COVID19. *Journal of Research on Adolescence*, 33(3), 762–773. <https://doi.org/10.1111/jora.12836>
8. Chen, Q., Zhong, M., Lu, L. (2023). Influence of career-related parental support on adolescents' career maturity: A two-wave moderated mediation model. *Journal of Career Development*, 50(3), 580–594. <https://doi.org/10.1177/08948453221118927>
9. Dąbrowska, A., Marek-Banach, J., Zimbardo, P., Łopatkiewicz, A., Wysocka, E. (2022). Time perspective and experience of depression, stress, and loneliness among adolescents in youth educational centres. *Przegląd Badań Edukacyjnych [Educational Studies Review]*, 1(36), 91–119. <https://doi.org/10.12775/PBE.2022.005>
10. Dou, K., Feng, X.K., Wang, L.X., Li, J.B. (2022). Longitudinal association between parental involvement and internet gaming disorder among Chinese adolescents: Consideration of future consequences as a mediator and peer victimization as a moderator. *Journal of Behavioral Addictions*, 11(3), 820–830. <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00056>
11. Dou, K., Zhang, M. C., Wang, L. X., & Liang, Y. (2023). Future negative time perspective and risk-taking behaviors among Chinese adolescents: A longitudinal moderated mediation model. *Current Psychology*, 42(32), 28381–28393. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03808-2>

12. Dwivedi, A., Rastogi, R. (2019). Predicting social well-being using time perspective in emerging adults. *Journal of Health Management*, 21(4), 547–558. <https://doi.org/10.1177/0972063419884416>
13. Feldt, R., Bejar, M., Lee, J., Louison, R. (2021). Vocational identity resources in emerging adulthood: Associations with facets of dispositional mindfulness. *The Career Development Quarterly*, 69(1), 2–18. <https://doi.org/10.1002/cdq.12245>
14. Fonseca, G., da Silva, J.T., Paixo, M.P., Cunha, D., Crespo, C., Relvas, A.P. (2019). Emerging adults thinking about their future: Development of the Portuguese version of the Hopes and Fears Questionnaire. *Emerging Adulthood*, 7(6), 444–450. <https://doi.org/10.1177/2167696818778136>
15. Fuentes, A., Oyanadel, C., Zimbardo, P., Gonzlez-Loyola, M., Olivera-Figueroa, L. A., Peate, W. (2022). Mindfulness and balanced time perspective: predictive model of psychological well-being and gender differences in college students. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, 12(3), 306–318. <https://doi.org/10.3390/ejihpe12030022>
16. Gugliandolo, M.C., Costa, S., Lo Cricchio, M., Liga, F. (2021). Exploring the role of time perspective in emerging adult couples: A mediation model. *Journal of Happiness Studies*, 22(7), 3221–3239. <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00368-3>
17. Hao, H., Li, X., Shen, X., Jiang, H., Xiao, H., Lyu, H. (2024). Reciprocal relationships between future time perspective and self-control among adolescents in China: A longitudinal study. *Current Psychology*, 43(12), 11062–11070. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-05222-8>
18. He, Y.Z., Yuan, X.Q., Ye, W.Y., Yang, S.Y., Ng, K.X., Dou, K. (2024). Longitudinal links between time perspective and problematic internet use among Chinese adolescents: Testing a dual-path model of coping style. *Current Psychology*, 43(28), 23517–23525. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06120-3>
19. Isanejad, O., Kargar, F. (2023). Reliability, validity, and factor structure of future time perspective scale for adolescents and young adults (FTPS-AYA) in an Iranian female sample. *Current Psychology*, 42(8), 6722–6731. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01950-x>
20. Ishii, R. (2023). Predicting adolescents' suicidal desire using Balanced Random Forest. *Japanese Journal of Psychology*, 94(2), 149–159. <https://psycnet.apa.org/doi/10.4992/jjpsy.94.22005>
21. Janeiro, I.N., Duarte, A.M., Araújo, A.M., Gomes, A.I. (2017). Time perspective, approaches to learning, and academic achievement in secondary students. *Learning and Individual Differences*, 55, 61–68. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2017.03.007>
22. Kvaskova, L., Almenara, C.A. (2021). Time perspective and career decision-making self-efficacy: A longitudinal examination among young adult students. *Journal of career development*, 48(3), 229–242. <https://doi.org/10.1177/0894845319847292>
23. Li, X., Lyu, H., Mello, Z.R. (2024). Another way to measure balanced time perspective: Development and validation of the Time Perspective Inventory. *PsyCh Journal*, 13(3), 407–420. <https://doi.org/10.1002/pchj.725>
24. Li, X., Zhang, X., Lyu, H. (2023). The longitudinal relationship between future time perspective and life satisfaction among Chinese adolescents. *Personality and Individual Differences*, 202, Article 111998. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111998>
25. Lin, C.-C. (2023). The influence of parenting on gratitude during emerging adulthood: The mediating effect of time perspective. *Current Psychology*, 42, 174–184. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01312-z>
26. Macaka, E., Tomaszek, K., Kossewska, J. (2022). Students' depression and school burnout in the context of family network acceptance and deviation from balanced time perspective. *Education Sciences*, 12(3), Article 157. <https://doi.org/10.3390/educsci12030157>
27. Parola, A., Marcionetti, J. (2022). Youth unemployment and health outcomes: The moderation role of the future time perspective. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 22(2), 327–345. <https://doi.org/10.1007/s10775-021-09488-x>
28. Parrello, S., Postiglione, J., Sica, L.S., De Rosa, B., Parola, A., Regnoli, G.M., Fenizia, E., Sommantico, M. (2024). Italian university students' future time perspective and well-being during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1404952. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1404952>
29. Pu, Y., Liu, Y., Qi, Y., Yan, Z., Zhang, X., He, Q. (2023). Five-week of solution-focused group counseling successfully reduces internet addiction among college students: A pilot study. *Journal of Behavioral Addictions*, 12(4), 964–971. <https://doi.org/10.1556/2006.2023.00064>
30. Sobol-Kwapinska, M., Przepiorka, A., Zimbardo, P.P. (2019). The structure of time perspective: Age-related differences in Poland. *Time & Society*, 28(1), 5–32. <https://doi.org/10.1177/0961463X16656851>
31. Turkle, S. (2011). *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books.
32. Wang, H., Geng, J., Liu, K., Wei, X., Wang, J., Lei, L. (2022). Future time perspective and self-control mediate the links between parental autonomy support and adolescents' digital citizenship behavior. *Youth & Society*, 54(6), 1077–1096. <https://doi.org/10.1177/0044118X211020778>
33. Zabelina, E.V., Kurnosova, S., Telitsyna, A.Y. (2019). Readiness for self-study and a temporary perspective: Results of cross-cultural research of youth in Russia and Japan. In: *IFTE-2019: Proceedings V International Forum on Teacher Education* (pp. 1243–1250). Kazan: Kazan Federal University. <https://doi.org/10.3897/ap.1.e1181>

34. Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77(6), 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

Информация об авторах

Наталья Петровна Шилова, кандидат психологических наук, доцент Покровского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», г. Покров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

Information about the authors

Natalia P. Shilova, PhD (Psychology), Associate Professor of Pokrovsky branch Moscow Pedagogical State University, Pokrov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

Вклад авторов

Шилова Н.П. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования, применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Contribution of the authors

Natalia P. Shilova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research, application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Поскольку данная статья является обзорной, для её публикации не требуется одобрения этического комитета и получения информированного согласия участников.

Ethics statement

As this is an overview article, it does not require ethics approval nor informed consent from the participants.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Received 2025.03.13

Поступила после рецензирования 27.06.2025

Revised 2025.07.26

Принята к публикации 30.07.2025

Accepted 2025.07.30

Опубликована 30.09.2025

Published 2025.09.30